

Основные направления эволюции
графических форм букв:
от римской античной
эпиграфической традиции
к эпиграфической практике
Средневековья
(на материале итальянских
эпиграфических памятников)

Д.В. Вальков

Эпиграфика как особая область исторической науки берет начало в XIX в.¹ Во Франции и Италии публикации и исследования Э. Леблана, О. Мутье, В. Де Росси положили начало скрупулезному анализу, в том числе раннесредневековых эпиграфических памятников, происходивших преимущественно из Центральной Италии: собственно из Рима, а также Лацио, Южной Тосканы.² Немного ранее, в 1834–1841 гг., маркиз Де Кастеллан опубликовал обширную базу данных по эпиграфическим памятникам, датированным V–XVI вв., происходившим из Южной Франции.³ В первой половине XIX в. общеупотребительным становится и сам термин «эпиграфика». Одним из первых его употребил О. Мутье в 1843–1844 гг. Р. Блок датирует введение в научный оборот этого термина 1845 г.⁴

Особой, переломной, эпохой в развитии западноевропейской науки о средневековых эпиграфических памятниках являются 50–80-е гг. XX в. В этот период сформировались ее собственные дефиниции, ме-

¹ Д.В. Вальков

тодологические подходы, принципы издания и правила критики.⁵ Эти общие положения были унифицированы и систематизированы значительным числом исследователей. Результатом систематизации явились многочисленные сборники и отдельные статьи, посвященные общим методологическим и историографическим⁶ проблемам науки о средневековых эпиграфических памятниках, а также наиболее значимым источниковедческим аспектам средневековой эпиграфики⁷, направлениям эволюции различных стилей и графических особенностей пись-

¹ Favreau R. L'épigraphie médiévale // Cahiers de civilisation médiévale Xe–XIIe siècles. Vol. XII. Poitiers, 1969. P. 394.

² Le Blant E. Paléographie des inscriptions latines du IIIe siècle à la fin du VIIe siècle // R.A. 3-ème série. 1896. Vol. XXIX. P. 177–197, p. 345–355; *Ibid.* 1897. Vol. XXX. P. 30–40, p. 171–184; *Ibid.* 1897. Vol. XXXI. P. 172–184; Moutié Au. Epigraphie. Inscriptions du Moyen Age et de la Renaissance // Annales archéologiques. 1844. Vol. I. P. 106–113.

³ de Castellane M. Inscriptions recueillies principalement dans le Midi de la France // Mémoire de la Société archéologique du Midi de la France. 1834–1835. Vol. II; 1836–1837. Vol. III; 1840–1841. Vol. IV.

⁴ Bloch R. L'épigraphie latine. Paris, 1961. P. 5.

⁵ Kent R. The Textual Criticism of Inscriptions. Philadelphia, 1926; Rhem A. Die Inschriften // Handbuch der Archäologie. Bd. I. München, 1939; Gordon J., Gordon A. Contributions to the Palaeography of Latin Inscriptions. Los Angeles, 1957; Robert L. Epigraphie // Histoire et ses méthodes. Paris, 1966; Favreau R. Les inscriptions médiévales / Université catholique de Louvain. Institut d'études médiévales. Typologie des sources du Moyen Age occidental. Fasc. 35. Brepols – Turnhout, 1979; Genicot L.F. Introduction aux sciences auxiliaires traditionnelles de l'histoire de l'art: diplomatique, héraldique, épigraphie, sigillographie, chronologie, paléographie. Louvain-la-Neuve, 1984; Banti O. Epigrafia medioevale e paleografia: specificità dell'analisi epigrafici // Scrittura e civiltà. 1995. Vol. XIX. P. 31–51.

⁶ В этой связи, весьма важен подробнейший историографический очерк Робера Фавро, который учел практически все исследования по западноевропейской средневековой эпиграфике, опубликованные в последней четверти XIX – первой половине XX в.; особенно исследования, касающиеся Франции и Рейнской зоны, наиболее знакомые ученому. Большое значение имеют библиографические исследования, опубликованные в 80-х гг. Вальтером Кохом. См.: Koch W. Literaturbericht zur mittelalterlichen und neuzeitlichen Epigraphik (1976–1984) // MGH. NS. München, 1987; Koch W., Borschlegel F.A., Dietl A., Glaser M. Literaturbericht zur mittelalterlichen und neuzeitlichen Epigraphik (1985–1991) // MGH. NS. München, 1994. Также: Favreau R. L'épigraphie médiévale: naissance et développement d'une discipline // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Division de la philologie classique, médiévale et néohelléniste. 1989. Vol. XLIII. Fasc. III. 3-ème partie. P. 328–363.

ма⁸, проблемам сохранения и каталогизации западноевропейских средневековых эпиграфических памятников.⁹

В последние десятилетия большое значение для консолидации научного сообщества эпиграфистов приобрели конгрессы и коллоквиумы, организованные несколькими крупнейшими европейскими научными центрами по изучению западноевропейских средневековых источников, в том числе и эпиграфических памятников: центром по изучению средневековых источников в Пуатье (ведущие специалисты: Робер Фавро, Мишель Пастуро), центром по изучению раннесредневековой истории в Сполето, Итальянским институтом Стамбула в Болонье, Международным институтом лигурийских исследований в Генуе и Бордигера (ведущие специалисты по эпиграфике: Карло Варальдо, Августа Сильва, Николет Джове Маркьоли), Немецким археологическим институтом, Стамбульской секцией (ведущий специалист по эпиграфике: Зигрид Дюль), Австрийской Академией Наук (школа Вальтера Коха), наконец, Французской школой в Риме (руководитель источниковедческого направления: Паоло Каммарозано). Не меньшее значение имеют тематические семинары и конгрессы по средневековой латинской и греческой эпиграфике, проведенные в 1977, 1980, 1982, 1984, 1986, 1988, 1990, 1991, 1993 гг.¹⁰

Все это свидетельствует об увеличении, с 50-х гг. XX в., интереса в научном сообществе к средневековым эпиграфическим памятникам. В последние десятилетия, благодаря открытию новых эпиграфических

⁷ См., например: *Di Stefano Manzella I. Mestiere di epigrafista: guida alla schedatura del materiale epigrafico lapideo.* Roma, 1987; *Bérard F., Chausson F., Di Vita-Evrard G. L'épigraphie dans les «Mélanges d'archéologie et d'histoire»: 1881–1970 / Sous la direction de François Bérard et Ginette Di Vita-Evrard // Mélanges d'archéologie et d'histoire de l'Ecole française de Rome.* Paris, 1997; *Bérard F., Feissel D., Petitmengin P., Séve M. Guide de l'épigraphiste: bibliographie choisie despigraphies antiques et médiévales.* Paris, 1989.

⁸ См., например: *Koch W. Epigraphica. Ein Leitfadens zur Transkription und schriftkundlichen Einordnung von mittelalterlichen und neuzeitlichen Inschriften // Unsere Heimat. Zeitschrift des Vereines für Landeskunde von Niederösterreich und Wien.* 1975. Bd. XLVI. S. 69–94.

⁹ *Campana A. Tutela dei beni epigrafici // Epigraphica.* 1968. Vol. XXX. P. 5–19; *Kloos R. M. Einführung in die Epigraphik des Mittelalters und der frühen Neuzeit.* Darmstadt, 1980; *Idem. Die mittelalterliche Epigraphik (Inchriftenkunde) // Büsem E., Neher M. Repertorium der deutschen Geschichte.* Monaco di B., 1968. S. 102–107.

памятников и повторному, детальному исследованию многих уже известных, перед научным сообществом эпиграфистов стоит более широкая задача: не только ввести эти памятники в научный оборот, но и сопоставить их с другими типами источников, а также в целом показать значимость эпиграфических памятников как источников по многим аспектам истории Средневековья. Указанные задачи во многом сближают исследование эпиграфических памятников классического Средневековья с исследованиями истории западноевропейских средневековых городов. Эффективность смежного изучения этой проблематики доказана рядом работ, посвященных истории северо-итальянских городских центров в XI–XV вв.¹¹

Состояние исследований по локальным эпиграфическим традициям городских центров Италии имеет свою специфику. Средневековые эпиграфические памятники городских центров Италии очень разнообразны, их локальные морфологические, стилистические и лингвистические особенности являются следствием воздействия различных внешних факторов и влияний. Во многом именно по этой причине в

¹⁰ Actes du VIIe Congrès international d'épigraphie grecque et latine. Bucarest – Paris, 1979; Fachtagung für lateinische Epigraphik des Mittelalters und der Neuzeit, Landshut, 18–20. 07. 1980 / Referate redig. von R. M. Kloos. Kallmünz, 1982; Epigraphik 1982. Fachtagung für mittelalterlichen und neuzeitlichen Epigraphik, Klagenfurt, 30. 09. – 3. 10. 1982 / Referate redig. von W. Koch / Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophische-Historische Klasse. Denkschriften. Bd. 169. Wien, 1983; Deutsche Inschriften. Fachtagung für mittelalterliche und neuzeitliche Epigraphik, Lüneburg, 1984 / Herausgegeben von K. Stackmann. Göttingen, 1986; Deutsche Inschriften. Fachtagung für mittelalterliche und neuzeitliche Epigraphik, Worms, 1986: Vorträge und Berichte / Herausgegeben von H. Zimmermann. Stoccarda, 1987; Culture et idéologie dans la genèse de l'Etat moderne: actes de la table ronde organisée par le Centre national de la recherche scientifique et l'Ecole française de Rome, Rome, 15–17. 10. 1984. Roma, 1985; Epigraphik 1988. Fachtagung für mittelalterlichen und neuzeitlichen Epigraphik, Graz, 10–14. 05. 1988. Referate und Round-Table-Gespräche / Redig. und herausgegeben von W. Koch / Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophische-Historische Klasse. Denkschriften. Bd. 213. Wien, 1990; Vom Quellenwert der Inschriften. Vorträge und Berichte der Fachtagung Esslingen, 1990 / Herausgegeben von R. Neumüllers-Klausner. Heidelberg, 1992; Epigrafia medievale greca e latina. Ideologia e funzione / Diretto da E. Minestrì / Atti del seminario di Erice (12–18 settembre 1991) / A cura di G. Cavallo e C. Mango. Spoleto, 1995; Atti del Primo Convegno internazionale di epigrafia medievale, Roma, 24–26. 09. 1993. Roma, 1995.

Италии, в отличие от Франции и Германии¹², до сих пор отсутствует «обшенациональный» корпус эпиграфических памятников, а уже существующие издания ограничиваются кругом памятников, принадлежащих той или иной локальной эпиграфической традиции.¹³ Эту же специфику отражают и исследования, посвященные различным сред-

¹¹ *Crouzet-Pavan E.* Entre collaboration et affrontement: le public et le privé dans les grands travaux urbains (l'Italie de la fin du Moyen Age) // *Tecnologia y Sociedad: Las grandes obras públicas en la Europa Medieval* (atti della XXII Semana de Estudios medievales, Estella, 1995). Pamplona, 1996. P. 363–380; *eadem.* Venise entre Jérusalem, Rome et Byzance: stratégies d'appropriation d'images // *Les mégalopoles méditerranéennes* (atti del convegno internazionale, Roma, maggio, 1996) / A cura di C. Nicolet. Roma, 2000. P. 546–564; *eadem.* Politica e pratiche dell'*habitat* nell'epoca gotica a Venezia // Estratto da *L'Architettura gotica veneziana* (atti del convegno internazionale di studio, Venezia, 27–29 novembre 1996) / Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti. Venezia, 2000. P. 235–241; *eadem.* «Sopra le acque salse»: espaces urbains, pouvoir et société à Venise à la fin du Moyen Age. Vol. I–II. Rome, 1992; *eadem.* Gênes et Venise: discours historiques et imaginaires de la cité // *Le forme della propaganda politica nel Due e nel Trecento* (relazioni tenute al convegno internazionale, Trieste, 2–5 marzo 1993) / A cura di Paolo Cammarosano / *Collection de l'Ecole française de Rome* (201). Rome, 1994. P. 427–453; *Racine P.* Naissance de la place civique en Italie // *Fortifications, portes de villes, places publiques dans le monde méditerranéen* / Ed. J. Heers. Paris, 1993. P. 301–322; *Scalia G.* «Romanitas» pisana tra XI e XII secolo // *Studi medievali. 3a serie. Vol. XIII. № 2.* Spoleto, 1972. P. 791–843.

¹² С 1974 г. трудами коллектива исследователей Центра по изучению средневековых источников в Пуатье публикуются тома *Corpus des inscriptions de la France médiévale*. К 1992 г. был опубликован 60-й том, посвященный департаментам Alpes de Haute-Provence, Hautes-Alpes, Ardèche, Drôme. Еще раньше, в 1942 г., было положено начало корпусу эпиграфических памятников Германии (*Deutsche Inschriften*).

¹³ *Augenti A.* Tanti muri da sfogliare come libri // *Medioevo. Un passato da riscoprire.* Anno I. № 5. Milano, 1997. P. 9.

¹⁴ См.: *Cicogna E. A.* Delle iscrizioni veneziane. Vol. I–VI. Venezia, 1824–1853; *Forcella V.* Iscrizioni delle chiese e d'altri edifici di Roma dal secolo XI fino ai giorni nostri. Vol. I–XIV. Roma, 1869–1884; *idem.* Iscrizioni delle chiese e degli altri edifici di Milano dal secolo VIII ai giorni nostri. Vol. I–XII. Milano, 1889–1893; *Casini T.* Le iscrizioni sarde del Medio Evo. Cagliari, 1905; *Casini T.* Iscrizioni pesaresi. Modena, 1906; *Casini T.* Epigrafia medievale abruzzese. Teramo, 1915. Исключением являются, пожалуй, только публикации П. Руго и А. Сильвани. См.: *Silvani A.* Monumenta epigraphica christiana saeculo XIII antiquiora quae in Italiae finibus adhuc exstant. Vol. I–IV. Città del Vaticano, 1938–1943; *Rugo P.* Le iscrizioni dei secoli VI–VII–VIII esistenti in Italia. Cittadella, 1974 – издание не завершено до сих пор.

невековым эпиграфическим памятникам городских центров Италии¹⁴; все они ограничиваются локальной базой данных.¹⁵

Принимая во внимание сложность тех общих исторических проблем, которые неизбежно встают перед исследователем средневековых эпиграфических памятников, важно отметить очевидную комплексность самого понятия «эпиграфический памятник». Это обстоятельство требует во многом пересмотра тех дефиниций, с которыми необходимо подходить к определению эпиграфического памятника. Ряд дефиниций сформировался на протяжении 30–50-х гг. XX столетия и нуждается теперь в существенной корректировке. Так, греческий глагол *ἐπιγράφω* означает «царапать», «выцарапывать на камне».¹⁶ Многие определения эпиграфического памятника, предложенные в западноевропейской историографии, будучи формально корректными, отличаются именно своим формализмом. Так, Рудольф М. Клоос предложил следующее определение: «Надписи — это надписания на различных твердых материалах, которые не относятся к результатам деятельности ни скрипториев, ни канцелярий»¹⁷. Столь же формалистичным характером отличается определение Ж. Маллона: «Эпиграфика имеет дело с любым видом письма, кроме того, которое исполнено чернилами на папирусе или на пергамене»¹⁸. Данные определения ставят в центр внимания формальные характеристики и, прежде всего, критерий материала, на котором выполнена надпись. В то же время, данные определения не принимают во внимание идеологическую, коммуникативную, онорификативную функцию эпиграфических памятников, т. е. категории, относящиеся к социальной и культурной

¹⁵ Многие итальянские историки начала XX в. рассматривали проблему создания «общенационального» корпуса эпиграфических памятников как первоочередную. См.: *Beccaria A.* Per una raccolta delle iscrizioni medievali italiane // *Archivio storico italiano*. 1909. Serie 5. Vol. XLIII. P. 96–110; *Novati F.* Per la pubblicazione del *Corpus inscriptionum italicarum Medii Aevi* // *Archivio storico lombardo*. 1903. Serie 3. Vol. XXXVIII. P. 505–511; *Casini T.* Contributo al *Corpus inscriptionum italicarum Medii Aevi* // *Memorie dell'Accademia di scienze, lettere ed arti di Modena*. 1905. Serie 3. Vol. V. P. XLI–XLV.

¹⁶ *Montanari F.* *Vocabolario della lingua greca*. 1-a ristampa. Milano, 2000. P. 746.

¹⁷ *Kloos R. M.* *Einführung in die Epigraphik des Mittelalters und der frühen Neuzeit*. Darmstadt, 1980. S. 2.

¹⁸ *Mallon J.* *Paléographie romaine*. Madrid, Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1952 (*Scripturae monumenta et studia*, III). P. 55.

сфере. Нам кажется, что в качестве базовой дефиниции можно принять определение, предложенное Вальгером Кохом: «Эпиграфия является наукой, в центре внимания которой находится понимание, критика и оценка использования надписей на твердом материале; таким образом, не только графическая область, но также материал, технические приемы, язык, формуляр, духовные и социальные аспекты надписи, ее публично-правовые функции, — то есть все то, что делает надпись историческим источником»¹⁹. Таким образом, изучая эпиграфический памятник, важно помнить, что он, в первую очередь, является неотъемлемой частью социальной и культурной среды эпохи, предметом воздействия политической конъюнктуры.

Основной задачей данной статьи является анализ аспектов эволюции графических форм букв в эпиграфической практике городских центров Северной и Центральной Италии *sub specie* перехода от эпиграфической традиции римской античности к эпиграфической практике раннего и классического Средневековья.

* * *

Римская античная эпиграфическая традиция сформировалась в рамках *civitas* — гражданской общины²⁰. Феномен римской *civitas* необходимо разделять на две составляющие — на политическую и юридическую. В первом случае *civitas romana* — это община как территориально-политическая единица, город с окрестностями, община-государство (полис). Во втором случае *civitas romana* — это совокупность политических (*ius militiae*, *ius suffragii*, *ius honorum*) и гражданских прав (*tria nomina*, *conubium*, *commercium*, *testamenti factio*, *agere lege*), а также обязанностей (*militia*, *tributum*) римского гражданина — человека, который становился таковым по факту своего законного рождения *in stato libere*, благодаря выдающимся личным заслугам или другим об-

¹⁹ Koch W. *Spezialfragen der Inschriftenpaldographie // Epigrafia medievale greca e latina. Ideologia e funzione / Diretto da E. Minestr / Atti del seminario di Erice (12–18 settembre 1991) / A cura di G. Cavallo e C. Mango. Spoleto, 1995. S. 271.*

²⁰ Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1989. С. 69.

²¹ Дарование римского гражданства за личные заслуги предусматривал *lex Gellia Cornelia* (72 г. до н. э.). См.: Бартошек М. Римское право... С. 69–70, с. 188. Также: *Cives quidam origo, manumissio, adlectio, adoptio, incolae vero domicilium facit* (Hadr., Diocl., С. 10, 40, 7 пр.). См.: Бартошек М. Римское право... С. 385.

стоятельствам.²¹ Наличие гражданских и политических прав, принадлежащих *cives romani*, обуславливало существование в рамках римской *civitas* институтов, благодаря которым реализовывались эти права, в том числе осуществлялось участие римских граждан в управлении. Так, мы наблюдаем метаморфозу: *populus romanus*, являясь изначально компонентом *civitas romana*, стал постепенно «замещать» ее собою, становясь олицетворением государства.²² В контексте указанной метаморфозы *populus romanus* вырабатывал также способы публичной репрезентации своей власти.

Как отмечает М. Бартошек, *res publica* понималась в римском праве как *res populi romani*, являясь в более абстрактном смысле политической и юридической организацией римского народа, совокупностью его прав и обязанностей, а также действий в общих интересах, согласно *utilitas communis*²³. С другой стороны, из приведенного определения Гая²⁴ вытекает, что *rei publicae* — это вещи никому в отдельности не принадлежащие (*nullius videntur in bonis esse*), но только всей *universitas* (всему объединению граждан) в целом. Одной из таких вещей изначально была *potestas*, но также и *imperium*, в строго детерминированном их значении — в значении номинальной высшей власти. Основным средством публичной и наиболее торжественной репрезентации *imperium populi romani* на огромной территории, от Британии до Африки, от Испании до Иудеи, в эпоху поздней Республики и принципата стал римский официальный эпиграфический памятник. Зримо воплощая присутствие власти, он представлял одновременно единственного номинального ее обладателя — *populus romanus (civitas romana)*.²⁵ Не случайно поэтому, что подавляющее большинство текстов римских официальных эпигра-

²² См. там же. С. 250. Также: *Populus est ea quae sine ullo scripto populus probavit tenebunt omnes* (Iul., D. 1, 3, 32, 1). См.: Бартошек М. Римское право... С. 417. М. Бартошек отмечает, что формула *Senatus Populusque Romanus*, повсеместно распространенная в текстах римских официальных эпиграфических памятников, является, с юридической точки зрения, собственно наименованием римского государства. См. там же. С. 300.

²³ См. там же. С. 275.

²⁴ *Rei publicae quae sunt publicae nullius videntur in bonis esse: ipsius enim universitatis esse creduntur* (Gai, Inst., 2, 11). См.: Бартошек М. Римское право... С. 423.

²⁵ Ср.: *Tu regere imperio populos, Romane, memento* — Verg., Aen., VI, 6, 851.

фических памятников начинается с формулы: SENATVS POPVLVSQ(ue) ROMANVS²⁶. Законодательство поздней Римской империи подтвердило особый статус всех тех действий и работ (в том числе и строительных), которые выполняли официалы, следуя императорским определениям, а также отразило несомненную их значимость для репрезентации носителя власти (т. е. для *maiestas imperialis, numen imperiale*)²⁷. Официалам, не достаточно заботившимся обо всей полноте подобной репрезентации, а также сознательно пытавшимся воспользоваться ею в своих частных корыстных целях, вменялось в вину оскорбление величия (*maiestatis teneantur obnoxii*). В итоге, сопоставляя общие функции римских официальных эпиграфических памятников эпохи поздней Республики, принципата и домината, мы видим, что они не претерпели в поздней римской античности существенной трансформации; изменилось одно, по сравнению с эпохой Республики и, отчасти, раннего принципата, — обладатель власти и характер самой власти.

²⁶ Интересны тексты двух официальных эпиграфических памятников римской античности, иллюстрирующие наше изложение. Первый текст гласит: SENATVS POPVLVSQUE ROMANVS DIVO TITO DIVI VESPASIANI F(ilio) VESPASIANO AVGVSTO [официальный текст от имени сената и народа римского, начертанный на триумфальной арке Императора Тита Цезаря Веспасиана Августа (71–81 г. н. э.); после 81 г. н. э.]. Второй текст гласит: IMP(eratori) CAES(ari) FL(avio) CONSTANTINO MAXIMO P(io) F(elici) AVGVSTO S(enatus) P(opulus) Q(ue) R(omanus) QVOD INSTINCTV DIVINITATIS MENTIS MAGNITUDINE CVM EXERCITV SVO TAM DE TYRANNO QVAM DE OMNI EIVS FACTIONE VNO TEMPORE IVSTIS REM PVBLICAM VLTVS EST ARMIS ARCVM TRIVMPHIS IN SIGNEM DICAVIT [официальный текст от имени сената и народа римского, начертанный на триумфальной арке Императора Цезаря Гая Флавия Валерия Константина Августа в ознаменование его победы над Максенцием (после 315 г. н. э.)]. Фотографии памятников см.: *Серра В.* Весь Рим / Под ред. Б. Бонечи. Рим, 1995. С. 14, 26.

²⁷ Так, в Кодексе Феодосия мы читаем: Si qui iudices perfecto operi suum potius nomen quam nostrae perennitatis scriberint maiestatis teneantur obnoxii — С. Th. XV, 1, 31 (394) = Codex Theodosianus, I. См.: Theodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmondianis / Ed. T. Mommsen, P. Meyer. Berlin, 1905. Эти же строки, более расширенные и уточненные, мы находим и в Corpus Iuris Civilis: Si qui iudices perfecto publicis pecuniis operi suum nomen sine nostri numinis mentione scripserint maiestatis teneantur obnoxii — С. J., VII, 3 = Corpus Iuris Civilis, II. См.: Codex Iustinianus / Ed. P. Krueger. Berlin, 1915.

Таким образом, текст римского официального эпиграфического памятника, включая и его графическое исполнение, сочетал в эпоху римской античности, помимо собственно информативного, идеологический и эстетический компоненты.²⁸ Эти компоненты обусловили как формирование двух основных функций римского античного эпиграфического памятника²⁹, коммеморативной и идеологической, так и возникновение адекватных средств графического воплощения текста, соответствующих его типу и функции.³⁰ Теоретически, под этим подразумевается, во-первых, стилистическая однородность графических форм всех букв в рамках текста одного эпиграфического памятника; во-вторых, недопустимость смещения в тексте одного эпиграфического памятника той или иной типологической категории графических форм букв, характерных для эпиграфических памятников разных типов (т. н. правило *ordinatio litterarum*). На практике это затрагивало преимущественно римские официальные эпиграфические памятники, датированные I в. до н. э. — II в. н. э., чьи тексты были исполнены стилем письма *scriptura [capitalis] quadrata*.³¹ В гораздо меньшей степени этот общий принцип был характерен для текстов римских античных эпиграфических памятников, установленных в т. ч. частными лицами, а также для текстов *promulgationes* — особых римских эпиграфических памятников, посредством которых обнародовались законы и иная информация государственного значения (эти памятники, представленные преимущественно в бронзе, в большинстве своем дошли до нас от III—IV веков н. э.).³² Они обращались к стилю письма *scriptura actuaria*, менее трудоемкому при нанесении текста на твердый

²⁸ *Petrucci A.* La scrittura: ideologia e rappresentazione. Torino, 1986. P. 2–5.

²⁹ *Ibidem.* P. 4.

³⁰ *Petrucci A.* La scrittura... P. 6; *Mentz A.* Geschichte der griechisch-römischen Schrift. Leipzig, 1920. S. 31; *Battelli G.* Lezioni di paleografia / Scuola Vaticana di Paleografia, Diplomatica e Archivistica. 4 ed. Citta del Vaticano, 1999. P. 56–58.

³¹ *Exempla scripturae epigraphicae latinae a Caesaris dictatoris morte ad aetatem Iustiniani.* Berolini, 1885. № 3, 4, 7.

³² Многие из этих памятников находятся сейчас в коллекции Департамента античной бронзы Лувра.

³³ *Tedeschi C.* «Deposio pisinni»: graffiti paleocristiani in localita S. Antonino, presso Vetralla // *Tedeschi C., Giovu Marchioli N.* Effemeridi graffitologiche, I. Firenze, 2000. P. 390–392, p. 393–394.

материал, а потому практически более используемому. Наконец, графическая однородность форм букв практически отсутствовала в такой сфере римской античной эпиграфики, как граффито³³.

Scriptura [capitalis] quadrata (αἰ ἐπιγραφαί) засвидетельствована античными греческими эпиграфическими памятниками уже в эпоху ранней классики, в первой половине V века до н. э. В римской античной эпиграфической традиции ее «появление» относится к III веку до н. э., хотя в целом графика букв отличается еще в этот период значительной архаичностью.³⁴ Текст на саркофаге Луция Корнелия Сципиона Барбата, датирующемся периодом от 298 до 200 г. до н. э. и находящемся в собрании Музеев Ватикана³⁵, фиксирует для нас своеобразное «начало» эволюционного пути scriptura [capitalis] quadrata в римской античной эпиграфической традиции. Ее эволюция затронула, в первую очередь, графические формы букв официальных эпиграфических памятников, однако в не меньшей степени она повлияла и на графические характеристики букв торжественных посвячительных надписей и элогий (в т. ч. и частных). Свидетельство тому — памятная закладная плита Луция Эмилия Павла, датированная 167 г. до н. э., также находящаяся в собрании Музеев Ватикана.³⁶ С точки зрения пропорции и в целом графических особенностей, буквы этого памятника близки еще к буквам на саркофаге Луция Корнелия Сципиона — их высота и ширина соотносятся примерно как 1 к 3 соответственно. Но, с другой стороны, производя это сравнение, я особо хочу подчеркнуть то обстоятельство, что в тексте памятной закладной плиты Луция Эмилия Павла практически не

³⁴ В рамках статьи мы намеренно не касаемся наиболее древних эпиграфических памятников, чьи графические особенности и в целом структура текста отличаются значительным своеобразием. Так, в 1899 г. в Риме (на Римском Форуме) был обнаружен эпиграфический памятник, традиционно именуемый «niger lapis» (датируется предположительно VI в. до н. э.); расположение надписи — справа налево и слева направо (бустрофедон), текст значительно поврежден, поэтому возможным является прочтение только отдельных слов. В тексте этого эпиграфического памятника зафиксированы архаические графические формы букв, за исключением буквы В. С графической точки зрения, буквы этого эпиграфического памятника фиксируют черты scriptura [capitalis] archaica. См.: Archivio Paleografico Italiano. Vol. I—XV. Roma, 1882 sq. См.: Vol. V (Iscrizioni). Tav. 66.

³⁵ Diehl E. Inscriptiones latinae. Romae, 1912. № 4.

³⁶ Ibid. № 6 а.

встречается двух существенно различающихся графически форм одного и того же буквенного знака, что характеризует суть дальнейшего процесса эволюции *scriptura [capitalis] quadrata*. Памятная посвятельная плита, датированная 112 г. до н. э., происходящая с Делоса³⁷, подтверждает наш вывод о том, что в основе эволюции на раннем этапе *scriptura [capitalis] quadrata* лежал процесс унификации форм и совершенствования графических характеристик букв.

Анализ римских античных эпиграфических памятников, датированных концом II—I веком до н. э., в тексте которых сосуществуют *scriptura [capitalis] quadrata* и *scriptura actuaria*, позволяет нам говорить как о сложившейся уже своеобразной графической исключительности *scriptura [capitalis] quadrata*, так и о факторах, обуславливавших более частое применение *scriptura actuaria*. К этим факторам относится, прежде всего, непостоянное соблюдение правила *ordinatio litterarum* применительно к менее важным и менее торжественным эпиграфическим памятникам; кроме того, бульшая простота и графическая естественность актуарных форм букв. Сделанные замечания не позволяют, однако, говорить о двух указанных стилях письма как об абсолютно различных по своей графической природе. Напротив, их соотношение можно охарактеризовать следующим образом: *scriptura [capitalis] quadrata* является своеобразной графической экстремой *scriptura actuaria* в том, что касается отсутствия курсивности в графике букв и, в целом, большего их графического совершенства. Примером эпиграфического памятника, сочетающего оба указанные стиля письма, является памятная закладная плита, датированная 55 г. до н. э.³⁸ Некоторые буквы в тексте этого эпиграфического памятника, такие, как: **R** и **S** исполнены *scriptura [capitalis] quadrata*, в то время как буквы **A**, **C**, **M**, **V** фиксируют графические формы, близкие к актуарным, ставшие таковыми путем привнесения элементов курсивности. В отношении второй половины I в. до н. э. — I в. н. э. мы тем увереннее можем говорить о дальнейшем развитии в римской античной эпиграфической традиции в т. ч. и актуарных графических форм букв с элементами курсивности, наблюдая во многом сходную тенденцию в

³⁷ Ibid. № 7 b.

³⁸ Ibid. № 8 e.

³⁹ Neapole, Biblioteca Nazionale. Col. P. Hercolesi, ms. № 817.

рамках рукописной традиции. В Национальной библиотеке в Неаполе³⁹ хранятся фрагменты манускрипта, датированного временем между 31 г. до н. э. и 79 г. н. э. Этот манускрипт известен под названием *Carmen de bello Actiaco*. Графические особенности букв, встречающихся в текстах фрагментов, в частности букв А и С, подтверждают наш вывод о том, что в основе раннего разграничения в римской античной эпиграфической традиции *scriptura [capitalis] quadrata* и *scriptura actuaia* находится в т. ч. и элемент курсивности, присущий второму из указанных стилей. Таким образом, к I в. н. э. в римской античной эпиграфической традиции сложились общие принципы графической ординации букв в соответствии с функцией и типом эпиграфического памятника.⁴⁰ Эти же процессы одновременно затронули графические особенности греческих букв. Наибольшей стилистической завершенности и графического совершенства *scriptura [capitalis] quadrata* достигла во второй половине I – второй половине II в. н. э. Стоит упомянуть удивительную по своему графическому изяществу официальную посвятельную надпись на триумфальной арке, воздвигнутой в честь императора Тита⁴¹. Отметим также текст *oratio* от имени императора Антонина Пия, адресованный народу и димам Эфеса, выбитый греческими буквами (памятник датирован временем между 140–144 гг. н. э.)⁴²; наконец, целый ряд официальных торжественных, посвятельных и памятных надписей, происходящих из Пергама.⁴³

С конца II в. н. э. общие принципы *ordinatio litterarum* постепенно начинают утрачивать свое влияние даже в отношении торжественных

⁴⁰ При этом необходимо учесть, что общие принципы ординации графических форм букв соблюдались не всегда, но до конца II в. н. э. чаще всего они соблюдались в отношении торжественных официальных эпиграфических памятников: императорских элогий, официальных посвятельных и памятных надписей.

⁴¹ См.: *Koch W.* Rhythmus und Proportion in der Schrift. Olten, 1956. S. 43–47. Pl. X.

⁴² British Museum, RA 489.

⁴³ *Fraenkel M.* Inschriften von Pergamon. Berlin, 1894; Berlin, Staatliches Museum, inv. № P. 400–458. Отсылка на инвентарный номер произведена по: *Morison S.* Politics and Script. Aspects of Authority and Freedom in the Development of graeco-latin Script from the sixth Century B. C. to the twentieth Century A. D. Oxford, 1972. P. 30. № 26.

⁴⁴ Примеры смешанного использования в тексте одного памятника различных графических форм букв см. в: *Diehl E.* Inscriptiones latinae... Tav. 11, 13; *Archivio Paleografico Italiano...* Vol. V (Iscrizioni). Tav. 62.

официальных эпитафических памятников, что явилось предвестником графических изменений, свершившихся в III–IV вв. н. э. в римской эпитафической традиции.⁴⁴ Эти изменения были выражены увеличением ко второй половине III – началу IV в. н. э. графических различий между *scriptura [capitalis] quadrata*, представленной торжественными официальными эпитафическими памятниками I–II вв. н. э., и использовавшимся в поздней римской античности капитальным квадратным письмом⁴⁵. Типичным примером *scriptura actuaria* являются графические формы букв, зафиксированные в *oratio ad senatum* императора Константина I. Этот эпитафический памятник датирован 30-ми гг. IV в.⁴⁶ Показательно, что при сопоставлении графических форм букв, зафиксированных в торжественном тексте на триумфальной арке императора Константина и в тексте упомянутого *oratio ad senatum*, выявляется графическая схожесть форм букв **B, F, R, V**. Динамика, выявленная в ходе сопоставления, свидетельствует, таким образом, что именно актуарные графические формы букв адаптировались на протяжении IV – начала V столетий торжественными официальными эпитафическими памятниками. Так называемая дамасианская «реформа» IV в., связанная с именем папы Дамасия I (366–384 гг.), была попыткой восстановить характерные графические особенности *scriptura [capitalis] quadrata: ordinatio litterarum*, а также практически равнопропорциональное соотношение высоты и ширины букв.⁴⁷ Восстановив во многом графическую однородность букв, реформа не

⁴⁵ Различие выражено в пропорции букв. Для римских торжественных и официальных эпитафических памятников I–II вв. н. э. было характерно практически равнопропорциональное соотношение между высотой и шириной буквы. Разница между ними составляла примерно $\frac{1}{4}$ в пользу высоты. Это позволяет зрительно вписать букву в условный квадрат (см., например: официальный памятный текст о возведении Porta Пренестина). См.: *Seppa B.* *Весь Рим...* С. 14, 42. В III–IV вв. н. э. наметился отход от условного равнопропорционального соотношения – высота буквы стала равняться примерно 1,5 ее ширины. См. официальный памятный текст, начертанный на триумфальной арке императора Септимия Севера (после 203 г. н. э.). См.: *Seppa B.* *Весь Рим...* С. 10. К вопросу об оценке и иллюстрации рассмотренных изменений: *Battelli G.* *Lezioni di paleografia...* P. 57; *Diehl E.* *Inscriptiones latinae...* № 26 b; *Corpus inscriptionum latinarum / Ed. A. Sclteigher.* Vol. I–VIII sq. Roma, 1933 sq. См.: Vol. VI. № 1139.

⁴⁶ *Notizie degli scavi di antichita.* 1933. Vol. IX. Pl. XIV.

⁴⁷ См.: *Battelli G.* *Lezioni di paleografia...* P. 65.

преломила основной тенденции — нарастающей рустификации их графических форм в тексте официального римского эпиграфического памятника.⁴⁸ С графической точки зрения, памятники, исполненные *scriptura damasiana*, остались ярким, но исключительным явлением в позднеримской эпиграфической традиции. При этом дамасианские памятные закладные плиты и элогии (*tituli*) закрепили использование актуарной формы буквы **F**, привнесли собственные графические элементы, не имевшие повсеместного широкого распространения в *scriptura [capitalis] quadrata* I в. до н. э. — II в. н. э., как то: значительное вынесение некоторых графических элементов букв за верхнюю линию строки (чаще всего букв **N** и **T**)⁴⁹, а также *litterae infrascriptae*.⁵⁰

Процесс адаптации в капитальном квадратном письме поздней римской античности актуарных графических форм букв, рассмотренный нами до того на примере эпиграфических памятников, имел аналог и в книжной рукописной традиции IV–VI вв. В отношении книжной рукописной традиции мы можем говорить о том, что графические формы букв, характерные для стиля письма *scriptura libraria rustica*, проникали в текст, исполненный стилем письма *scriptura libraria elegans*. С другой стороны, как и в римской античной эпиграфической традиции, эти стили сосуществовали как самостоятельные явления. Ход указанного процесса во многом раскрывают перед нами Кодексы Вергилия Апостольской библиотеки Ватикана, а также некоторые иные памятники книжной рукописной традиции, хранящиеся в Национальной библиотеке в Берлине, в Национальной библиотеке в Париже, в Городской библиотеке Лиона, в Библиотеке Сант-Галлена. Они свидетельствуют, что проникновение графических форм, свой-

⁴⁸ Примеры торжественных элогий и посвятительных надписей, исполненных *scriptura damasiana*, см.: *Diehl E. Inscriptiones latinae...* P. 36: a.) *titulus Damasi papae*; b.) *titulus Caelestini papae*.

⁴⁹ См., например, эпиграфический памятник, находящийся в Крипте пап, в Катакомбах Св. Калликста в Риме. Текст этого памятника является «поэмой», сочиненной по повелению папы Дамасия в честь захороненных там мучеников. См.: *Silvagni A., Ferrua A., Mazzoleni D., Carletti C. Inscriptiones Christianae Urbis Romae septimo saeculo antiquiores. Nova series. Vol. I–X. Roma – Citta del Vaticano, 1922–1992. См.: Vol. IV. № 9513.*

⁵⁰ См., например, элогию Св. Евтихия. Памятник датирован периодом между 366 и 384 гг. См.: *Morison S. Politics and Script...* P. 94. № 68.

ственных *scriptura libraria rustica*, в текст, исполненный *scriptura libraria elegans*, не имело, с хронологической точки зрения, линейного характера, т. е. не было процессом быстрого последовательного замещения, но являлось, прежде всего, сосуществованием и постепенной графической трансформацией *scriptura libraria elegans*. Так, в тексте *Codex'a Vergilius Augusteus*⁵¹, датированного временем от IV до первой половины VI столетия⁵², который был исполнен стилем письма *scriptura libraria elegans*, рустификация уже затронула начертание отдельных букв (G, F, L). Близок к указанному кодексу другой памятник — *Codex Vergilius Sangallensis*, датированный рядом исследователей V столетием.⁵³ Как и в предыдущем случае, текст этого кодекса лишь отчасти затронут рустификацией, сказавшейся в начертании букв G, M, V. Наряду с этими памятниками временем между IV—VI вв. датируются еще три Кодекса Вергилия, текст которых выполнен стилем письма *scriptura libraria rustica*. Это *Codex Vergilius Vaticanus*⁵⁴, *Codex Vergilius Romanus*⁵⁵, *Codex Vergilius Palatinus*⁵⁶. Сравнительный анализ указанных Кодексов Вергилия, анализ эпиграфических памятников и их взаимное сопоставление дают нам возможность, во-первых, говорить о значительном

⁵¹ *Codex Vergilius Augusteus* = Citta del Vaticano, Biblioteca Apostolica, ms. Vat. lat. № 3256 (4 л. кодекса); = Berlin, Staatsbibliothek, ms. lat. № F 416 (3 л. кодекса). Факсимильное воспроизведение текста см.: *Sabbadini R. Codicis Vergiliani qui Augusteus appellatur reliquiae* (Codices e Vaticanis selecti quam simillime expressi, XV). Torino, 1926.

⁵² Ряд исследователей, принимая во внимание, прежде всего, графические характеристики букв, датирует этот кодекс IV в., указывая на явные графические reminiscenции *scriptura damasiana*. Другие исследователи, А. Петручи, А. Пратези, склонны датировать этот кодекс временем между 90-ми гг. V в. и 30-ми гг. VI в. См.: *Petrucci A. Per la datazione del «Virgilio Augusteo»: osservazioni e proposte // Miscellanea in memoria di Giorgio Cencetti*. Torino, 1973. P. 43–54 (по датировке); *Pratesi A. Nuove divagazioni per uno studio della scrittura capitale. I codici Vergiliani antiquiores // Scrittura e civiltà*. 1985. Vol. 9. P. 27.

⁵³ *Codex Vergilius Sangallensis* = St. Gallen, Stiftsbibliothek, ms. lat. № 1394.

⁵⁴ *Codex Vergilius Vaticanus* = Citta del Vaticano, Biblioteca Apostolica, ms. Vat. lat. № 3225 (75 л. кодекса). Факсимильное воспроизведение текста см.: [Ehrle F.]. *Fragmenta seu picturae Virgiliana cod. Vat. 3225*. 3a ed. Roma, 1945; *Virgilius Vaticanus* (Cod. Vat. Lat. 3225) (Codices e Vaticanis selecti, XL). Graz, 1980. О датировке кодекса в сообществе палеографистов не сложилось однозначной позиции: в целом, он может быть датирован V в., хотя А. Пратези принадлежит мнение о возможности расширить пределы его датировки, вплоть до конца 70-х гг. IV в. См.: *Pratesi A. Nuove divagazioni...* P. 28.

сходстве характера и направлений эволюции графических форм букв в рамках книжной рукописной и эпиграфической традиции поздней римской античности. Во-вторых, они выявляют важное обстоятельство развития всего античного римского графического наследия: существование капитальных квадратных и актуарных (рустических) форм букв и постепенное проникновение последних, в эпоху поздней римской античности, в тексты эпиграфических памятников, исполненных различными поздними разновидностями капитального квадратного письма.

Процесс эволюции графических форм букв в рамках римской античной эпиграфической традиции приходит к своему логическому завершению в V–VI вв. Этим завершением может считаться появление в это время своеобразных графических форм букв, которые непосредственно не были связаны с каким-либо одним существовавшим прежде стилем письма, т. е. ни с разновидностями *scriptura actuaria*, ни с позднеантичными вариациями *scriptura [capitalis] quadrata*. Эти формы отличает значительное графическое своеобразие: в них в единое целое слились графические черты актуарного письма, различные поздние формы капитального квадратного письма, наконец, графические элементы унциала. Учитывая все это, С. Морисон предлагает ввести для обозначения стиля письма, зафиксированного италийскими эпиграфическими памятниками V–VI вв., наименование *Irregular Capitals*.⁵⁷ Памятником, фиксирующим подобный стиль письма, является надгробие некой Констанции, происходящее из Рима, датированное 404 г.⁵⁸ Буквы **К**, **Д** в тексте этого памятника (1 строка) фиксируют актуарные графические формы; равным образом, во второй и в четвертой строке

⁵⁵ Codex Vergilius Romanus = Citta del Vaticano, Biblioteca Apostolica, ms. Vat. lat. № 3867. Факсимильное воспроизведение текста см.: [Ehrle F.]. *Picturae, ornamenta complura, scripturae specimina cod. Vat. 3867, qui codex Vergilius Romanus audit*. Roma, 1902; Vergilius Romanus / A cura di I. Lana. Milano, 1986. Датировка этого кодекса вызвала наиболее ожесточенные споры в среде палеографистов, тем не менее, большинство исследователей датирует его V – первой половиной VI в.

⁵⁶ Codex Vergilius Palatinus = Citta del Vaticano, Biblioteca Apostolica, ms. Vat. Pal. lat. № 1631 (256 л. кодекса). Факсимильное воспроизведение текста см.: Sabbadini R. *Codex Vergilianus qui Palatinus appellatur quam simillime expressus*. Parisiis, 1929. Кодекс может быть датирован временем IV – конца V в.

⁵⁷ Morison S. *Politics and Script...* P. 97.

встречается сразу две графические формы буквы **L** — актуарная и капитальная квадратная. Подобное замечание относится и к форме буквы **S**: в третьей строке — капитальная квадратная форма, в четвертой строке — актуарная форма. Наконец, графическая форма буквы **G** является типично унциальной. Идентичные замечания можно представить, рассматривая текст другой надгробной плиты, некой Матроны; памятник происходит из Рима и датируется 452 г.⁵⁹ В первой и в третьей строках этого памятника мы видим параллельное использование соответственно полукурсивной и актуарной формы буквы **M**. Полукурсивная форма буквы **R** зафиксирована во второй строке этого эпиграфического памятника, в то время как в третьей и в четвертой строках использована актуарная форма этой же буквы. В седьмой строке мы встречаем параллельное использование указанных двух форм применительно к букве **L**. Наконец, в тексте надгробной плиты пресвитера Романа, которая датируется временем между 461 и 482 гг.⁶⁰, зафиксирована только полукурсивная форма буквы **L** (3 и 4 строки), унциальная форма буквы **G** (третья строка) и различные вариации актуарных графических форм применительно к другим буквам. Тексты трех указанных надгробий, датированных соответственно 404, 452 и 461—482 гг., взятых в рамках только одного столетия, отражают проанализированную ранее общую динамику.

Рассмотренные процессы составляли один полюс эволюции римского античного графического наследия в период между I в. до н. э. и V в. н. э. На противоположном полюсе продолжал свое развитие старый римский маюскульный курсив, имевший особое распространение в I — 60-х гг. III вв. Так, тексты восковых табличек Геркуланума, Помпей, а также многочисленные граффито на стенах домов в Помпеях выполнены старым римским маюскульным курсивом⁶¹. С начала IV в. н. э. начинает свое развитие минускульный новоримский курсив⁶².

⁵⁸ *Diehl E.* Inscriptiones latinae... Pl. 34. № 27.

⁵⁹ *Ibid.* Pl. 35. № 5.

⁶⁰ *Ibid.* Pl. 35. № 10.

⁶¹ *Marouau A.* Les inscriptions de Pompeia antiqua. Paris, 1972. P. 61.

⁶² *Mallon J., Marichal R., Perrat Ch.* L'écriture latine de la capitale romaine à la minuscule. Paris, 1939. P. 44—63.

Таким образом, в V–VI столетиях на осколках римского античного графического наследия формируется стиль письма, который мы условно можем назвать *scriptura actuaria (rustica)*, и который станет преобладающим в эпиграфической практике городов Северной и, отчасти, Центральной Италии в эпоху раннего Средневековья. Почему всякий раз, упоминая этот стиль письма, мы вынуждены подчеркивать условность его названия? Это объясняется тем, что раннесредневековая *scriptura actuaria (rustica)* не является прямым и безусловным наследником какого-либо одного стиля письма, принадлежавшего к римской античной графической традиции, но является своеобразной амальгамой многих из них. Рассмотрим графические компоненты, соединение которых обусловило кристаллизацию в италийской эпиграфической практике раннего Средневековья *scriptura actuaria (rustica)*. Прежде всего, необходимо выделить три графические составляющие:

I. В *scriptura actuaria (rustica)* раннего Средневековья были адаптированы графические формы букв, свойственные для позднеантичного актуарного письма;

II. Раннесредневековым актуарным письмом были заимствованы различные унциальные графические элементы⁶³;

III. Наряду со значительным числом унциальных графических элементов, в текстах раннесредневековых эпиграфических памятников встречаются графические формы букв, близкие к римскому маюскульному курсиву. Таким образом, условно выделяемый нами стиль письма *scriptura actuaria (rustica)*, преобладавший в италийской эпиграфической практике VI–IX веков, являлся соединением графических элементов и черт многих стилей письма, восходящих к римской античности.⁶⁴ Что касается адаптации в этом раннесредневековом стиле письма курсивных элементов, то это, как мне

⁶³ Ср. графические особенности букв в тексте надгробия Бонозии и Менна, датированного VII столетием (Рим, Латеранский музей; *Diehl E. Inscriptiones latinae... № 37 f*), и в тексте *Psalterium'a Romanum et Gallicanum*, датированного V–VI вв. (Париж, Национальная библиотека; *Bibliothèque nationale de France, Site Richelieu, Département des Manuscrits (DM), Division occidentale (Do), Nouvelles acquisitions, ms. № 1585*). Унциальные графические формы букв A, D, E идентичны в обоих текстах.

кажется, необходимо связывать с традицией позднеантичных маюскульных граффито.⁶⁵

Говоря о римской эпиграфической традиции, необходимо отметить еще одну ее черту. Она была связана с инфраструктурой города, с техникой римского каменного строительства⁶⁶, с римским полисом как с особым архитектурным пространством.⁶⁷ Это последнее обстоятельство могло бы стать среди прочих важной причиной углублявшегося на протяжении IV–VII вв. кризиса римской античной эпиграфической традиции. На территории Западно-Римской империи кризис был обусловлен заметным сокращением в указанный период каменного строительства, обитаемого пространства римских городов, а также упадком городской инфраструктуры, рурализацией античных городских центров.⁶⁸ Так, из Балканского региона между 602 и 850 г. происходят только 350 известных нам эпиграфических памятников.

⁶⁴ В VI – начале VII в. в Риме еще продолжали существовать единичные эпиграфические памятники, чьи графические формы букв следовали образцам позднеантичного капитального письма. Это были преимущественно официальные закладные плиты и лапидарные документы понтификов: например, выбитый в камне диплом папы Григория Великого, предназначенный церкви Сан-Паоло Фуори Ле Мура; датируется 604 г. Его текст состоит из 24 строк. (См.: *Diehl E. Inscriptiones latinae. № 37 b*). Однако подобного рода эпиграфические памятники практически исчезли к концу VII в., о чем свидетельствуют закладные плиты пап IX в., в частности, – Николая I (858–867 гг.) и Адриана II (867–872 гг.).

⁶⁵ *Mallon J. Paléographie romaine... P. 89–92. Tav. XVII, 5.* Также см.: *Tjaeder J. O. Later Roman (common) Script. A tentative Definition in Anticipation of a forthcoming Monograph // Calames et cahiers. Mélanges de codicologie et de paléographie offerts à Leon Gilissen. Bruxelles, Centre d'étude des manuscrits, 1985. P. 187–197. Tav. B; Tjaeder J. O. Considerazioni e proposte sulla scrittura latina in eta romana // Palaeographica, diplomatica et archivistica. Studi in onore di Giulio Battelli / A cura della Scuola speciale per archivisti e bibliotecari dell'Universita di Roma. Roma, 1979. P. 31–60; *Tedeschi C. «Deposito pisinno»: graffiti paleocristiani in localita S. Antonino, presso Vetralla... P. 394.**

⁶⁶ *Petrucci A. Jeux des lettres: formes et usages de l'inscription en Italie (11e – 20e siècles). 2 éd. Paris, 1993. P. 36–37.*

⁶⁷ Наиболее удачное и полное определение римского полиса как особого архитектурного пространства удалось дать Ж. Дюрлиа. Я позволю себе его процитировать полностью: «*Polis romaine c'est un cadre monumental défini par un urbanisme qui poussait à manifester le long des places ou des routes les signes de sa position sociale.*» См.: *Durliat J. Epigraphie et société. Problèmes de méthode // Epigrafia medievale greca e latina. Ideologia e funzione... P. 187.*

Из христианской Сирии в период между 600 и 700 гг. не происходит ни одного эпитафического памятника; в период между 700 и 780 гг. нам известны только 12 надгробных плит, происходящие из этого региона.⁶⁹ Из Испании происходят 16 эпитафических памятников, датированные 400–500 гг.; далее, в период между 500–550 гг., их число возрастает до 42, и уже в последней четверти VI столетия число эпитафических памятников, происходящих из Испании, вновь опускается до 30. В дальнейшем, эта динамика продолжает существование: между 600 и 650 гг. из Испании происходят 35 эпитафических памятников, 23 из которых, – надгробные плиты. В последней четверти VII в. общее число эпитафических памятников, происходящих с Пиренейского полуострова, составляет 17, из которых 15 – надгробия. Наконец, в период 700–750 гг. памятников, происходящих с Пиренейского полуострова всего 3, из которых 2 – надгробия.⁷⁰ Показателен также пример самого Рима⁷¹, а также Северной Италии.⁷² В IV столетии из этого региона происходит около 1200 эпитафических памятников различных типологических категорий. В V столетии их число уменьшается до, приблизительно, 900; в период между 500–600 гг. – до, приблизительно, 360. Наконец, известны только 14 эпитафических памятников, происходящие из Рима, датированные первой четвертью VII столетия. Таким образом, по подсчетам Ж. Дюрлиа⁷³, на всех территориях бывшей

⁶⁸ Эти тенденции были свойственны как для самого Рима, фактически утратившего в последние десятилетия существования империи столичные функции, так и в гораздо большей степени для других городских центров: для Генуи, Флоренции, Милана, Болоньи, Фьезоле. Так, в Болонье обитаемая площадь города к середине VI в. сократилась до нескольких восточных его кварталов, составляя малую часть от античного городского пространства. См.: *Heers J. Ville antique et ville médiévale: rupture ou héritage? // idem. Espaces publics, espaces privés dans la ville: le Liber Terminorum de Bologne (1294). Paris, 1984. P. 9–23.*

⁶⁹ *Jala Bert L., Mouterde P. Inscriptions grecques et latines de la Syrie. Paris, 1930.*

⁷⁰ *Vivus J. Inscripciones cristianas de la Espaca romana y visigoda. 2 ed. Barcelona, 1969; Huebner E. Inscriptiones Hispaniae Christianae. Berolino, 1971.*

⁷¹ *Silvagni A., Ferrua A., Mazzoleni D., Carletti C. Inscriptiones Christianae Urbis Romae septimo saeculo antiquiores...*

⁷² *Diehl E. Inscriptiones latinae...; Diehl E. Inscriptiones latinae Christianae veteres. Berolino, 1961; Rugo P. Le iscrizioni dei secoli VI–VII–VIII esistenti in Italia...*

⁷³ *Durliat J. Epigraphie chrétienne de langue latine // Epigraphia medievale greca e latina. Ideologia e funzione... P. 232.*

Западно-Римской империи, исключая Египет, большую часть мусульманской Испании, а также, исключая в V–VIII вв. Британию и в VI–VII столетиях Север Франции,⁷⁴ в период с V по XIII в. было выбито чуть более 20 000 эпитафических памятников, т. е. около 3 000 памятников на всех территориях за столетие. При этом общая тенденция, представленная приведенными ранее количественными данными, складывается в пользу уменьшения численности эпитафических памятников тех типов, которые были связаны со строительной активностью в старых античных городских центрах западной части империи, а также с функционированием городских магистратур и в целом с политической жизнью городских общин.

Проблема преемственности или цезуры в италийской эпитафической практике при переходе от римской античности к раннему Средневековью является важным методологическим аспектом научной дискуссии. Нам кажется особенно важным подчеркнуть необходимость разграничения количественных и качественно-типологических признаков рассмотренных ранее кризисных явлений. Так, с одной стороны, в VII–IX вв. имел место процесс общего сокращения типологического многообразия эпитафических памятников, а также их своеобразной сакрализации и перемещения в закрытые пространства церковных крипт. С другой стороны, и это важно с качественно-типологической точки зрения, торжественный эпитафический памятник, неразрывно связанный с римской античностью, равно как и некоторые другие категории эпитафических памятников, не были забыты. Мрамор уступил место плинфе, а резец — краскам, кисти и мозаике. Так, в эпитафической практике указанного периода появляются фресковые и мозаичные эпитафические памятники, всецело принадлежащие к замкнутому пространству соборов. В нашем распоряжении находится одно свидетельство первой половины IX в. Оно зафиксировано в *Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis*, начатой около 830 г. В этих *gestae* епископ Аньелло отмечает: дабы повествование, начатое им, о предшествующих епископах было более точным, и никто не смел бы его оспорить, он пользовался при изложении их деяний и фактов жизни отчасти тем, что сам мог услышать, отчасти свидетельствами о своих предшественниках, запечатленными в камне и в красках на стенах базилик Равенны.⁷⁵ С качест-

⁷⁴ *Le Blant E.* Inscriptions chrétiennes de la Gaule. Vol. I–II. Paris, 1829–1831.

венно-типологической точки зрения, приведенные строки свидетельствуют о том, что именно благодаря традиции мозаичного и фрескового текста, являвшегося частью декоративной программы базилик, на протяжении раннего Средневековья сохранялись и воспроизводились, пусть и в подобной видоизмененной форме, торжественные, а также официальные эпиграфические памятники.⁷⁶ Рассматривая типологический спектр фрескового эпиграфического памятника, мы видим, что были также сохранены пространственные эпитафии и элоги.⁷⁷ Кроме традиции фрескового воспроизведения некоторых типов эпиграфических памятников, восходящих к римской античности, эпиграфическая практика раннего Средневековья представляет в наше распоряжение примеры продолжения использования лапидарных документов. Так, в клуатре церкви Сан-Джованни ин Латерано находится лапидарный документ, датированный VIII в.⁷⁸ Он свидетельствует о даровании в эту эпоху церкви Сан-Джованни ин Латерано примата над всеми иными церквями Рима. В Риме, в крипте собора Св. Петра ныне находится лапидарный документ, датированный 603 г., воспроизводящий диплом папы Григория Великого о даровании этой церкви привилегий. Подобного рода лапидарный документ, датированный X в., находится и в церкви Сан-Паоло Фуори Ле Мура⁷⁹. Наконец, в церкви Санти-Джованни-э-Паоло находится мраморный блок, на котором выбит список

⁷⁵ Edidit istud opus tempus quorum quia muro depictum nomen seriemque excerpti eorum et vita partim lecta moderamine partim colligit aure sua. См.: *Agnellus*. Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis / Ed. O. Holder-Egger // MGH. Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI–IX. Hannoverae, 1878. T. I, 213–216.

⁷⁶ *Durliat J.* Epigraphie chrétienne de langue latine... P. 252–255; *Picard J. C.* Le souvenir des évêques. Sépultures, listes épiscopales et culte des évêques en Italie du Nord des origines au XIe siècle / Bibliothèque des Ecoles françaises d'Athènes et de Rome (268). Rome, 1988. P. 121–139; *Greenhalgh M.* The Survival of Roman Antiquities in the Middle Ages. London, 1989. P. 172–182.

⁷⁷ Так, например, в Риме, в Катакомбах Коммодиллы, находится фресковое изображение Богоматери, с предстоящими Св. Феликсом и Св. Адауктом. Внизу, под изображением, расположен надгробный текст, с упоминанием имени некоей Туртуры, которая, видимо, была заказчицей этой фресковой композиции. См.: *Nicolai V. F., Bisconti F., Mazzoleni D.* Les catacombes chrétiennes de Rome. Origine, développement, décor, inscriptions. Brepols, 2000. P. 107. № 121.

⁷⁸ *Lauer Ph.* Le Palais de Latran. Etude historique et archéologique. Paris, 1911. P. 268–269; p. 291.

fundi, земельных владений этой церкви. Указанный лапидарный документ датирован VII в.⁸⁰ Таким образом, производя указанное разграничение между количественными и качественно-типологическими признаками кризиса античной римской эпитафической традиции, мы должны говорить о несомненном сокращении в раннем Средневековье типологического многообразия памятников и их оценочной численности, но одновременно и о сохранении самой традиции их использования, а также о воспроизведении памятников тех типов, которые коррелировали с существовавшей социальной практикой. Однако это заключение действительно с одной оговоркой: все случаи континуитета, в особенности представленные традицией мозаичного и фрескового эпитафического памятника, относятся к крупнейшим епископским центрам. Ими были, прежде всего, Рим и Равенна. О других, менее значительных городских центрах Северной Италии в период между VII–IX вв. у нас практически отсутствуют подобные письменные свидетельства.⁸¹

Таким образом, в VI–IX вв. в рамках локальных эпитафических традиций городских центров Северной и, отчасти, Центральной Италии ведущую роль играет раннесредневековая *scriptura actuaria (rustica)*. Этим стилем письма исполнены тексты подавляющего большинства надгробий, а также дидактические надписи, девизы. В последней четверти VIII – первой половине IX в. в Северной Италии, равно как и в Зааль-

⁷⁹ *Silvagni A.* Monumenta epigraphica christiana saeculo XIII antiquiora... Vol. I: Roma. Pars I: Inscriptiones certam temporis notam exhibentes. Pl. 38. № 5.

⁸⁰ *Germano di S. Stanislao P.* Chartes lapidaires de l'église St. Jean-et-St. Paul à Rome // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1873. Vol. XXXIV. P. 260–266. О многих других раннесредневековых лапидарных документах и официальных закладных плитах см. обобщающие издания М. Армеллини и Э. Донато, посвященные церквям Рима. См.: *Armellini M.* Le chiese di Roma dal secolo IV al secolo XIX / A cura di Carlo Cecchelli. Roma, 1942; *Donato E.* Le carte lapidarie di Roma. Citta Castello, 1912.

⁸¹ Тем не менее, как явление, традиция фрескового воспроизведения памятных и официальных текстов вышла далеко за хронологические пределы раннего Средневековья. Так, например, в правом нефе собора Сан-Лоренцо Генуи находится фресковый фрагмент официального памятного текста, свидетельствующего о взятии Генуей в 1148 г. Тортозы. Сохранившийся фрагмент текста гласит:... LIA S(an)C(t)I SILVESTRI CAPTA EST T[ortosa]... NI DE PORTA. См.: *Corpus inscriptionum medii aevi Liguriaie.* Vol. III: Il centro storico di Genova / A cura di A. Silva. Genova, CSFS 51, 1987. № 52.

пийском регионе, берет начало и развивается каролингская система письма, ставшая составной частью более многогранного и сложного культурного, идеологического и политического феномена, коим являлось каролингское возрождение. Необходимо отметить, что формирование и интродукция в указанную эпоху, так называемого каролингского минускула, были лишь частью общих графических инноваций, затронувших в равной мере и область маюскульного письма. К числу этих инноваций относится, прежде всего, введение преимущественно в общем культурном контексте каролингского возрождения особой традиции использования капитальных квадратных графических форм букв, которые, опосредовав также некоторые графические черты *scriptura damasiana*, имитировали *scriptura [capitalis] quadrata* I–II вв. н. э. И если в книжной рукописной традиции каролингское возрождение интродукцией, так называемого каролингского минускула, способствовало структурированию всей графической системы – соотношения инициалов, *capitalis quadrata*, унциала, полуунциала и собственно минускула, – то в области эпиграфической практики каролингское возрождение обусловило появление немногочисленных, но в высшей степени изысканных и графически совершенных торжественных эпиграфических памятников, также исполненных *scriptura [capitalis] quadrata*. Обозначая здесь эти принципиальные направления, мы должны поставить вопрос и о том, каковым был характер адаптации графических форм *capitalis quadrata*: был ли он объективен только для традиции каролингского возрождения, или его объективация исходит из логики развития всей предшествующей графической традиции? Отметим первое. Одновременная адаптация капитальных квадратных форм букв, близких к римским графическим прототипам, в рамках эпиграфической и книжной рукописной традиции в не меньшей, если не в большей степени, чем введение минускула, указывает на унифицирующее влияние каролингского возрождения на всю графическую традицию: влияние политическое, культурное и идеологическое, затем опосредованное в графике. В число упомянутых эпиграфических памятников входит в частности надгробная плита папы Адриана I (772–795 гг.) с пространный элогией (школа Алкуина; после 795 г.).⁸² С графической точки зрения, буквы в тексте надгробной элогии папы Адриана I исключительно красивы и пропорциональны; идеально соблюдено правило их ординации; для большего сходства с торжественными текстами римской античности этот эпиграфический памятник при-

держивается практики *scriptio continua*, когда разделение между словами отсутствовало. Однако при внимательном рассмотрении текста и графических форм отдельных букв, мы замечаем, то и дело вкрадывающиеся графические несогласованности, особенно заметные в сравнении с графическим эталоном *scriptura [capitalis] quadrata* I–II вв. н. э. Так, мы встречаем два варианта написания буквы Т: с вынесением и без вынесения поперечного штриха буквы за верхнюю линию строки (см. соответственно строки 4, 17, 27 и 12, 18, 19, 21). В графическом исполнении буквы Q, в начале 25 строки, сказывается непосредственное графическое влияние *scriptura damasiana*. Оценивая в целом весьма малый круг торжественных официальных эпитафических памятников каролингской эпохи, ориентированных на графический эталон *scriptura damasiana*, а через это опосредованно и на эталон *scriptura [capitalis] quadrata* I–II вв. н. э., необходимо поставить еще один важный вопрос: насколько устойчивым было влияние заложенной таким образом графической традиции использования *capitalis quadrata*? И надо констатировать, что влияние созданной таким образом в эпоху каролингского возрождения традиции не было в эпитафической практике Северной и Центральной Италии решающим, даже в отношении эпитафических памятников схожей или той же типологической категории. Уже эпитафия пап Николая I (858–867 гг.; эпитафия после 867 г.)⁸³ и Адриана II (867–872 гг.; эпитафия после 872 г.)⁸⁴ свидетельствуют об отказе от тех торжественных капиталь-

⁸² *Ramackers J.* Die Werkstatttheimat der Grabplatte Papsts Hadrian I // *Römische Quartalsschrift für christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte.* 1964. № 59. S. 36–78; *Wallach L.* Alcuin's epitaph of Hadrian I // *American Journal of Philology.* 1951. № 72. P. 128–144. Надгробие папы Адриана I является исключительным эпитафическим памятником; при этом, его исключительность была уже очевидна собственно для самого периода каролингского возрождения – надгробная плита папы Адриана I является одним из немногих эпитафических памятников, чье подробное описание восходит к периоду, непосредственно следующему за его созданием. На основании сравнения вида ныне существующего памятника и средневековых описаний (они во многом не совпадают), некоторые итальянские эпитафисты считают возможным ставить под сомнение подлинность существующего сейчас памятника.

⁸³ *Silvagni A.* Monumenta epigraphica christiana saeculo XIII antiquiora... Vol. I. Pars I. Pl. II. № 7.

⁸⁴ *Silvagni A.* Monumenta epigraphica christiana saeculo XIII antiquiora... Vol. I. Pars I. Pl. II. № 8.

ных форм букв, которые были зафиксированы в тексте надгробной эпитафии папы Адриана I. С графической точки зрения, совершенно разительным образом отличается от нее эпитафия, условно датированная 872 г. Ее графические формы букв возвращают нас к докарولينгской эпохе. Этот памятник характеризуется абсолютным отсутствием ординации букв. Буквы V, N, A, R выполнены стилем письма *scriptura actuaria (rustica)*. Одновременно существуют две различные по графической природе формы буквы A (строки 4 и 9). Особо выделяются три различные графические формы буквы C, одна — актуарная рустическая (строка 9), вторая — более аккуратно выписанная, но остающаяся рустической (строка 5), третья форма, трудно идентифицируемая стилистически, — угловатая прямоугольная (строка 1). Отметим также унциальные графические черты буквы G (строка 6). Так, уникальные по своему графическому изяществу шедевры капитального квадратного письма каролингской эпохи остались в эпиграфической практике городских центров Северной и Центральной Италии, в регионе с преобладающим влиянием локальных графических особенностей, эксклюзивными примерами, а традиция их воспроизведения не приобрела устойчивого характера. Как нам кажется, указанное обстоятельство можно было бы объяснить одной общей причиной: факторы генезиса капитальных квадратных форм букв в эпоху каролингского возрождения относились более к сфере политической и культурной референции, чем к сфере собственно эволюционного развития графической практики: таким образом, они были объективны более для самого феномена каролингского возрождения, чем для процесса эволюции всей предшествующей графической традиции. В конечном итоге, графика букв торжественных эпиграфических памятников эпохи каролингского возрождения — это своеобразная желательная референция в области репрезентации исторической и мистической преемственности власти, преемственности форм организации, возводящей ее истоки к архетипу римской античности. В конце IX—X вв., как показывает дальнейший ход эволюции графической практики, в эпиграфической и в книжной рукописной традиции Северной и Центральной Италии, прирейнской зоны, территорий, входивших после 843 г. в Восточно-Франкское и Западно-Франкское королевства, использование *capitalis quadrata* следовало в контексте объективации самой идеи империи уже представителями Саксонской династии: Оттоном I (936–973 гг.), Оттоном II (973–983 гг.) и Оттоном III (983–1002 гг.).

* * *

В эпиграфической практике городских центров Северной Италии ситуация начинает кардинальным образом изменяться в конце X—XII вв. Указанный период включает три важнейшие составляющие в истории северо-итальянских городских центров: во-первых, в целом, успешное отражение арабской экспансии в Западном Средиземноморье и начало векового наступления Генуи и Пизы на торговые позиции арабов в Испании и на Балеарах, а также на Сардинии, Сицилии и в Южном Средиземноморье. Во-вторых, это эпоха становления в большинстве северо-итальянских городских центров городских коммун, оформления корпоративных органов городского самоуправления. В-третьих, это активизация каменного городского строительства, о чем в XI столетии свидетельствует Пиза, а в XII в. — уже Генуя, Лукка, Пьяченца, Лоди, Бергамо, Брешиа, Болонья, Модена, Феррара, Милан и ряд других городов; активизация, которая создала условия для существенного обновления архитектурного *spatium solemne*.⁸⁵ К этому же периоду относится и феномен *romanitas*.⁸⁶ Рассмотренные социально-политические факторы и обстоятельства обусловили изменения как в области графических форм букв официальных эпиграфических памятников, так и в области их социальных функций. Однако принципиально важным отличием официальных эпиграфических памятников, датированных XI—XII вв., происходящих из городов Северной и, отчасти, Центральной Италии, от эпиграфических памятников раннего Средневековья стала их своеобразная диалогизированность и как следствие «десакрализация».

Рассмотрим примеры. Так, в пространство южной стены, между Porta Reggia и Porta dei Principi городского собора Модены, заложенно-го в 30-х гг. XII в., вмурована памятная закладная плита, являющаяся

⁸⁵ См.: *von Hülsen A.* A propos de la Porta Romana de Milan: dans quelle mesure la sculpture de l'Italie du Nord reflète-t-elle certains aspects de l'histoire communale? // Cahiers de civilisation médiévale Xe — XIIe siècles. Année XXXVe. № 2, avril—juin 1992. P. 147—153. Fig. 1—8.

⁸⁶ См.: *Вальков Д. В.* Северо-итальянские городские коммуны sub specie romanitas в XI—XV веках (на примере эпиграфических памятников Пизы, Генуи, Болоньи, Модены, Милана) // Вестник Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. Филология, История, Философия. Вып. 2. М., 2004. С. 78—118.

по содержанию apostrophus ad lectorem. Ее текст гласит: BE(n)EDI(c)TA SIT HAEC CIVITAS AUGEAT EA(m) D(eu)S CRESCERE ET MULTIPLICARE EA(m) FACIAT BENEDI(c)TA SIT TERRA I(n) QUA STATIS ET BE(n)EDI(c)TI SITIS VOS ET HE(r)EDES VESTRI IN PERPETU(um)⁸⁷. Еще более показательна до предела диалогизированная надпись на городском кресте Porta Ravennana Болоньи, воздвигнутом как духовная защита города вместе с самими укрепленными городскими воротами в 1159 г. Так, надпись восклицает: FILI QUID MATEUR [a\\] DEUS ES SUM CUR ITA PENDES [\\] NE GENUS HUMANUM VERGAT IN INTERITUM [a\\]⁸⁸. Находящиеся в общедоступном для обозрения месте, эти два текста напрямую обращены к городу, к каждому, могущему видеть и прочитать. Отметим, — памятники, происходящие из Модены и Болоньи, датированы 1130—1150 гг. Тогда же, между 1155 и 1165 гг., обращаясь к городу, а также ко всем его недругам, на Porta Soprana в Генуе застыли торжественные элоги: + IN NO(m)I(n)E O(mn)IPOTENTIS DEI PATRIS ET FILII ET S(piritu)S SANCTI AMEN SUM MUNITA VIRIS MURIS CIRCUMDATA MIRIS ET VIRTUTE MEA PELLO P(ro)CUL HOSTICA TELA SI PACEM PORTAS LICET HAS TIBI TANGERE

⁸⁷ *Breveglieri B.* La scrittura epigrafica in eta comunale: il caso bolognese // *Civiltà comunale: Libro, Scrittura, Documento. Atti del convegno, Genova, 8–11 novembre 1988 / ASLSP. NS. Vol. XXIX (CIII). Fasc. II. Genova, 1989. P. 398; Montorsi W.* Iscrizioni modenesi romaniche e gotiche. Duomo e Palazzo del Comune, con un'appendice sulla torre. Modena, 1977; *Campana A.* La testimonianza delle iscrizioni // *Lanfranco e Wiligelmo. Il Duomo di Modena. Modena, 1984. P. 363–373.* Обращаясь к жителям города, текст памятника гласит: «Да будет благословен этот город, да укрепит его Господь, да содействует Он к его усилению и процветанию; да будет благословенна земля, на которой вы стоите, и да будете благословенны вы и потомки ваши навеки».

⁸⁸ *Gozzadini G.* Delle croci monumentali ch'erano nelle vie di Bologna nel secolo XIII // *Atti e memorie della Deputazione di Storia Patria per la provincia di Romagna. 1863. Vol. II. P. 42–47; Breveglieri B.* Scritture lapidarie romaniche e gotiche a Bologna. Osservazioni paleografiche in margine alle iscrizioni medievali bolognesi. Bologna, 1986. P. 10–12. В тексте этого эпитафического памятника можно выделить три своеобразных блока, заключающих развернутую тезу и антитезу (соответственно: ^{a-1-a}). Можно предложить следующую трактовку текста этого эпитафического памятника: «Сыне, зачем ты спешишь a\\ [Бог Ты есть Я зачем так висящий] Я есть Бог зачем Ты таким образом висишь'\\ чтобы род человеческий не погиб a\\».

PORTAS SI BELLUM QUERES TRISTIS VICTUSQ(ue) RECEDES
 AUSTER ET OCCAS(us) SEPTEMPTRIO NOVIT ET ORT(us)
 QUANTOS BELLORU(m) SUPERAVI IANUA MOT(us)...⁸⁹ Таким обра-
 зом, в текстах официальных эпитафических памятников указанного
 периода мы не найдем, разумеется, отступления от всеобъемлющей
 евангельской, литургической, пасторско-дидактической основы —
 главной формой «десакрализации» торжественного эпитафического
 памятника становится придание ему исключительной диалогизиро-
 ванности. Это была «десакрализация» без секуляризации. Связанный
 еще во второй половине XI — начале XII столетия с фасадом городско-
 го собора, о чем свидетельствуют официальные закладные плиты со-
 бора Пизы⁹⁰, на протяжении XII в., официальный эпитафический па-
 мятник все более отступает от его пространства, становясь распростра-
 ненным (и в этом контексте «десакрализированным») элементом
 гражданской и военной архитектуры северо-итальянских городских
 коммун.⁹¹

Тенденция «десакрализации» затронула в XI—XII вв. и ту сферу ис-
 пользования эпитафических памятников, которая была непосред-
 ственно связана с церковной практикой.⁹² Таким образом, в XII в. и в

⁸⁹ *Corpus inscriptionum...* Vol. III. № 215. Во имя Всемогущего Бога Отца, Сына и Святого Духа, аминь. Я, Генуя, защищена мужами, окружена превосходными стенами, своей доблестью я обращаю прочь в бегство вражеское оружие; если несешь мир, позволено тебе вступить в эти ворота, если будешь искать войны — отступишь удрученный и подавленный; Юг и Запад, Север и Восток изведат, сколь многие натиски войн я преодолела. См. также (*Corpus inscriptionum...* Vol. III. № 216): MARTE MEI P(o)P(u)LI FUIT HACTENUS AFFRICA MOTA POST ASIE PARTES ET AB HINC YSPANIA TOTA ALMARIAM CEPi TORTOSAMQ(ue) SUBEGI SEPTIMUS ANNUS AB HAC ET ERAT BIS QUARTUS AB ILLA HOC EGO MUNIMEN CU(m)FECI IANUA PRIDEM UNDECIES CENTENO CUM TOCIENSQUE QUINO ANNO POST PARTU(m) VENERA(n)DE VIRGINIS ALMU(m)... Эти два эпитафических памятника не являются оригиналами. Они — точная копия памятников, установленных в промежутки между 1155 и 1165 гг. Обе копии исполнены в 1864 году по решению генуэзского муниципалитета.

⁹⁰ *Scalia G.* Epigraphica pisana. Testi latini sulla spedizione contro le Baleari del 1113—1115 e su altre imprese antisaracene del sec. XI // *Miscellanea di studi ispanici / Istituto die Letteratura spagnola e ispano-americana.* Vol. VI. Pisa, 1963. P. 234—286. Photo I—V.

⁹¹ *Breveglieri B.* La scrittura epigrafica in eta comunale... P. 397.

локальной эпиграфической традиции Рима официальные торжественные памятные закладные плиты, связанные еще с пространством церквей, приобретают новые коммуникативные функции, оставляя также за собой функции своеобразной аутентификации внутреннего и внешнего пространства соборов. Именно «десакрализация», ход и проявления которой мы рассмотрели, делает, все более и более на протяжении XI–XII вв., эпиграфический памятник служебным явлением.

Рассмотренные изменения не могли не затронуть в XI–XII вв. графических характеристик букв эпиграфических памятников, происходящих из городских центров Северной и Центральной Италии. XI–XII столетия стали в локальных эпиграфических традициях городских центров Северной и Центральной Италии временем появления стиля письма, условно именуемого *eta comunale vecchia*. В Риме один из первых эпиграфических памятников, исполненный стилем письма *eta comunale vecchia*, – эпитафия папы Сильвестра II, находящаяся в церкви Сан-Джованни ин Латерано, – датируется периодом после 1003 г.⁹² В Пизе уникальный ансамбль официальных закладных плит, исполненных стилем письма *eta comunale vecchia*, размещенный на стене городского собора, возникает с помещением там надгробной элогии Гвидо де Павиа, епископа Пизы, датированной 1064–1076 гг.⁹⁴ Далее следует официальная закладная плита о военной экспедиции Пизы в Реждо Калабрия, на Сардинию, о взятии Боны Африканской – все три события отмечены одной закладной плитой, датированной между 1064–1087 гг. К этому числу принадлежит и официальная закладная плита об основании собора Пизы, датированная 1070-ми гг.

⁹² Так, в Риме в 1110 г. папа Пасхалий II (1099–1118 гг.) освятил церковь Сан-Маттео ин Мерулана. В четырех капеллах этой церкви были помещены мощи Святых, патронов этих капелл. В центральном же нефе церкви была помещена официальная закладная плита, текст которой гласит: ET EGO PASCHALIS PAPA HAS SA(n)CTORU(m) RELIQUIAS OCULIS PROPRIIS VIDI MANIBUSQ(ue) MEIS ATTRECTAVI ET RECONDIDI CUM A(n)TIQUO TITULO I(n) ARCA MARMOREA SUB ALTARI MAIORE AD CUIUS CONSECRATIONIS ANNIVERSARIU(m) DECREVIMUS. См.: *Forcella V. Iscrizioni delle chiese e degli altri edifici di Roma dal secolo XI fino ai giorni nostri...* Vol. X. № 727.

⁹³ *Silvagni A. Monumenta epigraphica christiana saeculo XIII antiquiora...* Vol. I. Pars I. Pl. IV. № 2.

⁹⁴ См. соответственно: *Scalia G. Epigraphica pisana...* Tav. № I, II, III.

Учитывая географию пизанского влияния, к числу официальных закладных плит, исполненных стилем письма *eta comunale vecchia*, необходимо отнести и эпитафию из церкви Сен-Виктор Марселя. Формирование стиля письма *eta comunale vecchia* было обусловлено стремлением придать торжественному эпиграфическому памятнику монументальность, в подражание римской античности, ставшей, в рамках феномена *romanitas*, первым *sensus civilis* молодых северо-итальянских городских коммун. Суммируя данные всех вышеназванных эпиграфических памятников, важно отметить, что для стиля письма *eta comunale vecchia* характерны следующие общие графические особенности. Две разные по графической природе формы буквы **E**: капитальная квадратная и открытая унциальная. Одновременное существование капитальных квадратных и унциальных графических форм зафиксировано также для букв **M**, **V (U)**, **G**. Графические формы других букв представляют различные смешанные оттенки капитально-квдратного и актуарного (рустического) письма.

XII в. стал во многих отношениях переломной эпохой в истории городских центров Северной, Центральной и даже Южной Италии. Для общего контекста нашего анализа особое значение имеют изменения, произошедшие в XII — начале XIII в. во внутренней культурной жизни городов, и, прежде всего, появление университетов. Становление университетов как культурных центров, появление университетских корпораций как особой интеллектуальной среды не просто способствовало, но непосредственно обусловило практическую необходимость более широкого распространения книжного письма, увеличения числа книг, перехода ведущей роли в их изготовлении и распространении, в рамках средневековой городской культуры, от монастырских скрипториев к университетским корпорациям либрариев.⁹⁵ Наряду с манускриптами, относящимися к университетской среде, в XII и на протяжении XIII в. в книжной рукописной

⁹⁵ *Destrez J.* La pecia dans les manuscrits universitaires du XIIIe et du XIVe siècle. Paris, 1935; *La production du Livre universitaire au Moyen Age. Exemplar et pecia. Actes du symposium tenu au Collegio San Bonaventura de Grottaferrata en mai 1983 / Textes réunis par L. J. Bataillon, B. G. Guyot, R. H. Rouse.* Paris, 1988; *Soetermeer F.* *Utrumque ius in pecia. Aspetti della produzione libraria a Bologna fra Due e Trecento.* Milano, 1997 (голландское издание: 1995 г.).

традиции итальянских городов существуют также манускрипты, относящиеся к литургической практике, к сфере деятельности городских магистратур (в т. ч., как это показывает пример Генуи, и городские «Анналы»). В этой связи, на фоне становления университетской культуры и несомненного расширения внелитургической сферы использования книги, в рамках графической практики городских центров Северной и Центральной Италии книжный минускул становится распространенным и обыденным явлением. Это происходит одновременно с возникновением своеобразной графической традиции в написании букв книжным минускулом: формы букв становятся более удлиненными, позднее, в первой половине XIII в., также угловатыми.

Во многом сходные процессы мы наблюдаем и в рамках эпиграфической практики: как это мы рассмотрели ранее, в XI–XII вв. имел место процесс постепенной «десакрализации» официального торжественного эпиграфического памятника и становления его как распространенного элемента военной и гражданской архитектуры городов Северной и Центральной Италии. Таким образом, в рассматриваемую эпоху в книжной рукописной и эпиграфической традиции перед нами одновременно развиваются два процесса: становления текста как распространенного служебного явления и начала использования особой угловатой или удлиненной графики букв, как в области минускула, так и в области маюскула. При этом в книжной рукописной традиции удлиненные и угловатые графические формы непосредственно восходили к каролингскому минускулу; в эпиграфической традиции — угловатые и удлиненные графические формы маюскула развивались, исходя как из капитального стиля письма *eta comunale vecchia*, заимствуя имеющиеся в нем регуляризованные графические элементы унциала, так и из *scriptura actuaria (rustica)*, в немалой степени. Так, одновременное, эволюционно взаимообусловленное действие всех этих факторов дает нам возможность говорить о становлении и последующем развитии

⁹⁶ Meyer W. Die Buchstabenverbindungen in der sogennanten gothischen Schrift // Abhandlungen der k. Akademie der Wissenschaft zu Göttingen. Philol.-Hist. Kl. N. F. I. N. 6, 1897. S. 1–124. 5 Abb.; *Dobiache-Rojdestvensky O.* Quelques considérations sur les origines de l'écriture dite «gothique» // Mélanges F. Lot. Paris, 1926. P. 691–721; *Chrous E., Kirchner J.* Die gothischen Schriftarten. Leipzig, 1928. 64 Abb.

во второй половине XII – первой половине XIII в. самостоятельной готической системы письма⁹⁶, как в рамках книжной рукописной, так и эпиграфической традиции. Для дальнейшей эволюции этой системы на протяжении XIII – первой половины XV в. будет свойственен целый ряд особенностей, обусловленных сходными, но также и отличными факторами, заслуживающими, несомненно, отдельного детального исследования.

Summary

D. V. Valkov

**Main Trends of Evolution of the Graphical Forms of Letters:
from Roman Antique Epigraphic Tradition to Epigraphy
of the Middle Ages (based on Italian epigraphic monuments)**

The article presents the main factors, stages and trends of evolution of the graphical forms of the letters of Italian official and festive epigraphic monuments from Roman Antiquity till the beginning of the XIII century. One of the main purposes of this article is a comprehensive comparative analysis of graphical changes in epigraphy of Northern and Central Italy in IV–VI centuries, when the transfer from the graphical tradition of late Roman Antiquity to the epigraphy of the early Middle Ages took place.